

Клара Керст

Развалюха

Деда Мороза

шки, паутина
и немного
Новогоднего
чуда!

— Даже развалюха
может стать домом
для волшебства!

Клара Керст

Развалюха Деда Мороза

<https://litres.ru/74326923>

SelfPub; 2026

Аннотация

Гера — самый невезучий ученик Школы Дедов Морозов. Его проектор не показывает волшебство, шкатулка с даром не открывается, а вместо уютной резиденции — покосившаяся развалюха, где по ночам кто-то ворует молотки и поёт колыбельные.

Но за день до Нового года в его доме появляются странные гости: беглый олень с синим носом, дичь в мохнатом кринолине и её дочка Нанхебетта. Они не враги, а наоборот — помогают Гере найти свой путь к чуду. Вместе они превращают обычные шишки в новогодние ёлки, паутину — в тёплые носки, а электричку — в волшебный поезд.

Смешная, добрая и немного абсурдная сказка о том, что настоящий Дед Мороз — не тот, у кого есть волшебный проектор, а тот, кто умеет дарить радость даже из того, что есть под рукой.

Клара Керст

Развалюха Деда Мороза

Гера считал, что в Деда Морозы он подался напрасно. Кроме искренней веры в чудо, ничего в нем не было от веселого, розовощекого и горластого дедушки. Гера был тощий, низкий и худой, а еще — он этого никому не говорил, потому что это было стыдно — он не открыл секретную шкатулку, в которой и хранился волшебный дедморозовский дар. Проктор Геры — через который, если вы не знали, Деда Морозы и творят волшебство — не показывал никаких необыкновенных, да и обыкновенных миров тоже. Но Геру больше никуда не брали, а тут — о, чудо — взяли в школу Дедов Морозов после небольшого собеседования. Тот факт, что его взяли в школу Дедов Морозов, наполнял гордостью худую грудь Геры, как ветер парус корабля дальнего странствия.

Во время обучения Гера звезд с неба или даже с экрана проектора не хватал. Когда он садился за парту, он становился таким маленьким, что, пожалуй, и съеживался. Деда Морозы — наставники, практикующие и ученики — умели все. Нужна повозка оленей, которая гоняет по темно-синему небу — пожалуйста. Дом с конвейером для подарков и роботизированной техникой для упаковки — держи. Гномов пригласить для песнопений — сколько угодно! Гера ниче-

гошеньки этого не мог, и его дедморозовский рейтинг таял прямо на глазах. После выпуска ему разрешили занять домик — хибарку, небольшую развалюху — и делать все, чтобы раскочегарить дедморозовский талант. Но прошел год — и ничего не поменялось — ничего не убавилось и не прибавилось. Куда делся талант Геры — если он когда-то был — неизвестно.

Гера слонялся из угла в угол, пил чашку с липовым чаем за чашкой, царапал пальцем на дереве стола — но так, чтобы следы не оставались — ходил в хозяйственный магазин за молотками. Гера заспешил на первый этаж, раздумывая, трусит ли он, осторожничают или расставляет приоритеты. В трусы записывать себя он не спешил — не пришло мне еще время — подумал он — сражаться с этой дичью, что в доме притаилась. Вот отремонтирую первый этаж и до чердака дело дойдет. Вернется коробочка, обретется дедморозовский дар... и...

Гера спустился на первый этаж: откуда-то опять принесло газетных листов. На первых полосах большими буквами шла надпись: «Дети города Тверь ждут от Деда Мороза таких-то таких-то подарков». Гера попытался разобраться, каких же подарков ждут дети, но ничего не понял в латинице и номерах такой длины, что он сразу же запутался.

Как же я все это наколдую! — подумал Гера, вспоминая, как ловко его друг Баш крутил свой проектор, который сначала показывал планшеты, ноутбуки с морями и осьминогами, круторогими оленями, а потом все эти штуки обретались наяву — только успевай подхватывать, убегать или прятаться.

Баш навел бы порядок в этой хибаре в два счета. Раз-два, и все как нужно: ни газетных обрывков, ни паутины, ни жадной дичи в углу, которая либо дичь, либо недичь. Но это еще предстояло выяснить. А это пока было очень страшно, хотя я и не трус — подумал быструю мысль у себя в голове Гера. Сколько она молотков у него перетаскала — не перечесть. Один, два, три, четыре, пять. Да, пять!

Дедушка в хозяйственном магазине с подозрением поглядывал на Геру, когда тот оплачивал шестой молоток. Старик с чувством пробил сумму, аппарат дзинькнул, но дедушка сдержался — спрашивать ничего не стал.

Гера завернулся в спальный мешок, поставил у изголовья ночник-проектор — дичь не любила света — а этот ночник запускал звезды по потолку. По углам принималась шебуршиться дичь — Гере даже казалось, что она поет колыбельную, но кому — он не знал — и засыпал. Ему казалось, что песню на ночь поют именно ему, Гере.

Каждый новый день он ставил самовар, запихивал в корзину шишки и поджигал, отводил трубу в окно и ждал, пока вода вскипит. Он открывал свой органайзер, записывал, что было сделано вчера: прибито три доски на крышу, ночью две из них оторвал ветер. Он хорошо видел из окна, как эти доски прятали соседи — круглолицые супруги, которых трудно было отличить одного от другого. Это был Дед Мороз с супругой на пенсии. Пенсионеры остановились в промежуточной стадии между гномом и оленем: от оленей у них была вытянутая вперед челюсть, а от гномов — широкий след ступни и красный колпак с бубенчиками.

Ночью исчез шестой молоток. Гера, представив суровую физиономию дедушки из магазина, вздохнул. На этот раз дедушка его точно спросит — знает ли Гера истинное назначение молотков. Гере не нравилось ощущение троечника, но деваться было некуда — если ты неумеха, то ты можешь чувствовать только неуместные чувства и думать неуместные мысли.

В дверь постучали. От неожиданности Гера вздрогнул, уронил чашку и отбил от нее ручку. Гера спрыгнул с лавки и угодил прямо в валенки. Он заскользил по полу — который когда-то был паркетом для танцев — и распахнул дверь. На порог влетели кленовые изогнутые осенью листья и вскочил

олень — олень был упряжной, нос у него был не красный, а синий, а шерсть — такая короткая, что он дрожал. Гера впустил оленя, и тот сразу примостил широкий круп на лавку. Попытался руками ухватить чашку, которую без ручки хватать было очень удобно (особенно если ты благородное парнокопытное жвачное).

Гера полез в шкаф и вытащил круглые сдобные баранки. Он хранил их для особого случая — дня, когда он закончит ремонт. Но гостю негоже было пить пустой чай, поэтому Гера спустил вниз и лимонное варенье, которое было уже наполовину съедено и наполовину было малиновым. Гера доливал вкусное варенье в невкусное, ожидая, что общий вкус от этого станет только лучше.

— Я беглый олень, — признался Олень. — Тебе придется меня спрятать.

— Какому Деду Морозу ты принадлежишь? — спросил Гера, обходя оленя, чтобы увидеть тавро.

Олень принялся елозить копытами по телу, надеясь тавро скрыть. Было очевидно, что он не очень-то знает, где это тавро находится. Гера решил не смущать гостя.

— Я свободный олень, — сказал Олень, вдеваясь в спаль-

ный мешок. Он почти весь спрятался: торчали только передние копыта, в которых сидела чашка, рога и нос. По керамике сползала капля желто-малинового варенья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.